

Особенности поведения в виртуальной среде подростков с разным уровнем сформированности «образа Я»

Рубцова О.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3902-1234>, e-mail: ovrubsova@mail.ru

Посакалова Т.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4932-0921>, e-mail: poskakalova@gmail.com

Ширяева Е.И.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0965-1494>, e-mail: cat150195@ya.ru

Представлены результаты эмпирического исследования, посвященного связи уровня сформированности «образа Я» с особенностями поведения и самопрезентации подростков в виртуальной среде. Работа проводилась в рамках проекта «Цифровой портрет современного подростка» на базе Центра междисциплинарных исследований современного детства МГППУ. Эмпирические данные собраны в феврале 2020 года. Выборку исследования составили 52 подростка, обучающихся в МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 27» г. Мытищи. В качестве методик использовались: «Шкала ясности «образа Я»» (Дж. Кэмпбелл); «Опросник онлайн-самопрезентации» (К. Фулвуд); «Шкала интенсивности использования социальных сетей» (Н. Эллисон); «Шкала Интернет-зависимости» (С.Х. Чен); «Опросник онлайн-активности» (О.В. Рубцова, Т.А. Посакалова). Показано, что стратегии взаимодействия и самопрезентации подростков в социальных сетях связаны с уровнем сформированности их «образа Я». У подростков с размытым «образом Я» проявляется склонность к экспериментированию в виртуальной среде: они часто искажают представляемому в Сети информацию и создают разные кибер-идентичности. Данная категория подростков также имеет склонность к Интернет-зависимому и рискованному онлайн-поведению. По мере повышения уровня сформированности «образа Я» эти показатели улучшаются. Полученные в работе данные подтверждают гипотезу о том, что современные подростки используют социальные сети как платформы для экспериментирования (в т.ч. ролевого), в процессе которого они решают важные возрастные задачи, связанные с развитием самосознания и формированием «образа Я».

Ключевые слова: подростковый возраст, «образ Я», сформированность/ясность «образа Я», виртуальное пространство, социальная сеть, самопрезентация, рискованное поведение, Интернет-зависимость.

Для цитаты: Рубцова О.В., Посакалова Т.А., Ширяева Е.И. Особенности поведения в виртуальной среде подростков с разным уровнем сформированности «образа Я» // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 4. С. 20—33. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2021260402>

Features of On-Line Behavior in Adolescents with Different Levels of Self-Concept Clarity

Olga V. Rubtsova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3902-1234>, e-mail: ovrubsova@mail.ru

Tatiana A. Poskakalova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4932-0921>, e-mail: poskakalova@gmail.com

Ekaterina I. Shiryayeva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0965-1494>, e-mail: cat150195@ya.ru

The article presents the results of an empirical study, focusing on the association between self-concept clarity, online behavior and self-presentation in adolescence. The study was conducted in the framework of the research project “Digital Portrait of Contemporary Adolescents”, operated by the Center for Interdisciplinary Research on Contemporary Childhood in Moscow State University of Psychology and Education. The data was collected in February 2020. 52 adolescents, studying in School № 27 in Mitischi (Russia, Moscow Region) took part in the survey. The following methods were used: Self-Concept Clarity Scale (SCCS, J. Campbell); The Presentation of Online Self-Scale (POSS, C. Fullwood); Facebook Intensity Scale (FIS, N.B. Ellison); Chen Internet Addiction Scale (CIAS, S.W. Chen); Online Activity Questionnaire (O.V. Rubtsova, T.A. Poskakalova). Data shows that strategies of adolescents’ interaction and self-presentation in social networks relate to their self-concept clarity. Adolescents with low self-concept clarity tend to experiment in virtual space: they often provide inaccurate information about themselves and create numerous cyber-identities. This group of adolescents is also inclined to risky online behavior and Internet-addiction. All these indicators improve with the increase of self-concept clarity. The data testifies that contemporary adolescents use social networks as platforms for experimenting (e.g. with roles), in the process of which they resolve important age challenges, related to the development of agency and formation of self-concept.

Keywords: adolescence, self-concept, self-concept clarity, virtual space, social network, self-presentation, risky online behavior, Internet-addiction.

For citation: Rubtsova O.V., Poskakalova T.A., Shiryayeva E.I. Features of On-Line Behavior in Adolescents with Different Levels of Self-Concept Clarity. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2021. Vol. 26, no. 4, pp. 20—33. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2021260402> (In Russ.).

Введение

Подростковый возраст — период, когда ребенок решает две ключевые задачи. Первая разворачивается на индивидуальном уровне и связана с осознанием себя как уникальной, целостной личности, как субъекта собственной деятельности. Вторая раскрывается на социальном уровне и связана с активным включением ребенка в систему социальных отношений в качестве их полноценного участника. Решение первой задачи в зарубежной психологии рассматривается в терминах построения идентичности (Э. Эрикссон) и формирования «Я-концепции», структурным элементом которой является «образ Я» (Р. Бернс, У. Джемс, К. Роджерс). В отечественной традиции данная проблематика обсуждается, прежде всего, в контексте идеи о развитии самосознания (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, Т.В. Драгунова) и становлении субъектности (К.А. Абульханова-Славская). Вторая задача традиционно рассматривается в контексте социализации и связывается с освоением ребенком новых социальных ролей (прежде всего, как определенных социальных функций).

Указанные возрастные задачи часто рассматриваются как два самостоятельных процесса, хотя, по сути, они пересекаются друг с другом. Так, решение обеих задач подразумевает, что подростку необходимо некое пространство «пробности» (К.Н. Поливанова) [4], в котором подросток сможет совершать эксперименты, необходимые как для конструирования собственной идентичности, так и для моделирования своего места в системе социальных отношений. Как утверждает Г.А. Цукерман, «зоны неопределенности образа Я» у подростков обуславливают их потребность в социально-психологическом экспериментировании, в условиях которого подросток одновременно экспериментирует как с психологическими, так и с социальными конструктами [11].

В работах О.В. Рубцовой проводится мысль о том, что в процессе экспериментирования подростки «опробуют», прежде всего, различные **роли**, которые автор рассматривает как сложные конструкты, отражающие

единство индивидуальных особенностей и социальных условий развития [6; 7]. Именно в процессе **ролевого экспериментирования** развиваются ключевые новообразования возраста — самосознание и рефлексия. В этой связи, по точному выражению А.М. Прихожан, «ролевое экспериментирование буквально пронизывает все сферы жизнедеятельности подростка» [5] — подобно тому, как это делает игра в дошкольный период детства [6].

В условиях новой социальной ситуации, когда традиционные формы деятельности оказываются опосредованными технологиями, реализация потребности в экспериментировании у подростков часто разворачивается в виртуальной среде. Виртуальное пространство открывает перед подростком широкие возможности для осуществления «пробы». В частности, оно позволяет создавать множество цифровых образов — кибер-идентичностей, наделяя их желаемыми чертами и трансформируя их в зависимости от целей взаимодействия и коммуникации [1; 8; 9; 12].

Несмотря на возрастающее значение виртуальных платформ (в частности, социальных сетей и видеоигр) как площадок подросткового экспериментирования, на сегодняшний день в психологической науке сравнительно мало исследований, посвященных взаимосвязи личностных характеристик (в т.ч. отражающих уровень развития самосознания и сформированности «образа Я») с особенностями поведения и самопрезентации подростков в виртуальном пространстве. Имеющиеся эмпирические данные получены преимущественно на выборках зарубежных респондентов [13; 15; 16; 17; 18; 20], а немногочисленные российские исследования носят фрагментарный характер [1; 3; 9; 10]. В этой связи с 2019 г. на базе Центра междисциплинарных исследований современного детства МГППУ реализуется проект «Цифровой портрет современного подростка»¹, целью которого является изучение и анализ связей между личностными характеристиками подростков и своеобразием их взаимодействия в виртуальной среде. Для анализа и обсуждения в настоящей

¹ Сайт проекта: <https://childresearch.ru/projects/current/cifrovoy-portret-sovremennogo-podrostka/>

статье предлагаются некоторые результаты, полученные в ходе реализации проекта².

Дизайн исследования

Представленные в статье эмпирические данные пилотного исследования получены в феврале 2020 г. на базе МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 27» г. Мытищи. В опросе приняли участие 52 подростка (из них мальчики — N=20, 38%, девочки — N=32, 62%). Средний возраст участников исследования составил 16,18±0,38 года.

Для исследования был подобран комплекс методик, направленных на выявление особенностей «образа Я» у подростков, а также на анализ их взаимодействия и самопрезентации в виртуальной среде.

Своеобразие «образа Я» изучалось с помощью методики «Шкала ясности «образа Я»» Дж. Кэмпбелл с соавторами (Self-Concept Clarity Scale, SCCS, J. Campbell et al, 1996). Особенности взаимодействия и самопрезентации подростков в социальных сетях изучались с помощью четырех методик: «Опросник онлайн-самопрезентации» К. Фулвуда (The Presentation of Online Self-Scale, POSS, C. Fullwood, 2016); «Шкала интенсивности использования социальных сетей» Н. Эллисон (Facebook Intensity Scale, N.B. Ellison, 2007); «Шкала Интернет-зависимости» С.Х. Чена с соавторами (Chen Internet Addiction Scale, CIAS, Chen et al., 2007) в адаптации В.Л. Малыгина и К.А. Феллисова (2011); «Опросник онлайн-активности» (О.В. Рубцова, Т.А. Посакалова, 2019). Схематично дизайн исследования представлен на рис. 1.

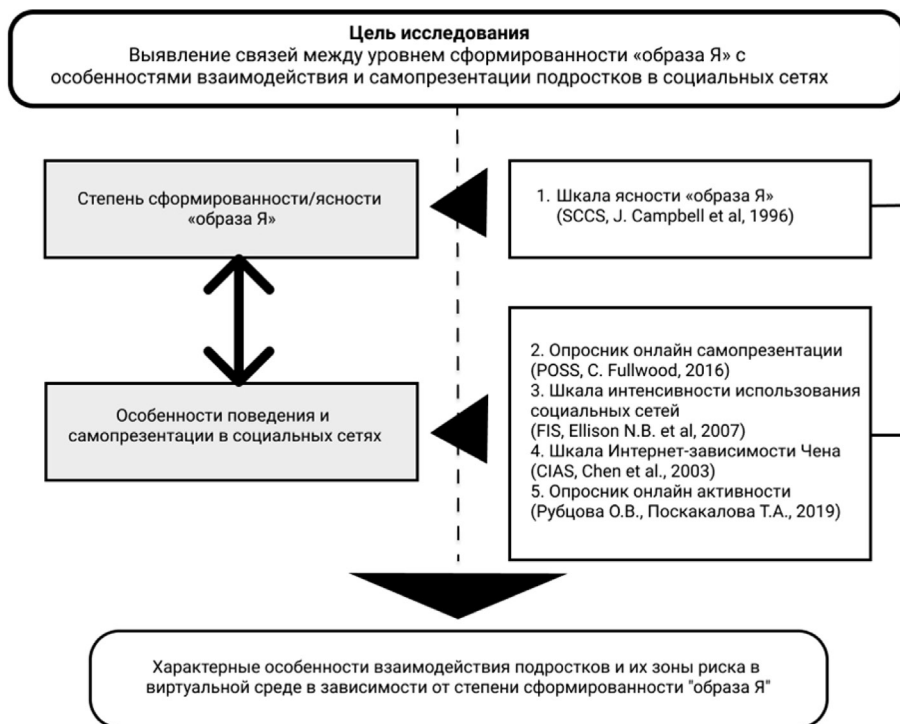

Рис. 1. Дизайн исследования

² Данные серии эмпирических исследований, проведенных в рамках проекта, частично представлены в магистерских диссертациях Е.И. Ширяевой, А.С. Мигачева, Т.О. Рузьяк.

Ниже представлено краткое описание каждой из использованных методик.

1. «Шкала ясности «образа Я»» (**Self-Concept Clarity Scale, SCCS**) была разработана Дж. Кэмпбелл с соавторами в 1996 г. [19]. В основу данного опросника положен конструкт «Self-Concept Clarity», перевод которого на русский язык в настоящее время не устоялся. Авторы статьи полагают, что наиболее близким русскоязычным эквивалентом может стать словосочетание «сформированность» или «ясность» «образа Я»³ (в настоящем исследовании данные термины используются как взаимозаменяемые). Понятие «Self-Concept Clarity» активно разрабатывается в зарубежной психологии последние 20 лет [16; 18; 20]. Для изучения данного явления наиболее авторитетные зарубежные исследователи используют методику, разработанную Дж. Кэмпбелл с соавторами. Методика предназначена для выявления того, насколько сформированными являются представления человека о себе как о личности — каковы убеждения респондента о самом себе и не вступают ли они в противоречия, до какой степени респондент осознает собственные мотивы, потребности, возможности и способности, а также насколько стабильно и устойчиво знание респондента о собственной личности. Опросник состоит из 12 утверждений, которые респонденту предлагается оценить по Лайкертовской шкале, ранжируя варианты ответов от «абсолютно не согласен» до «абсолютно согласен». Чем выше полученный показатель, тем более размытым является представление человека о самом себе. Для проведения исследования на российской выборке опросник был переведен на русский язык и адаптирован О.В. Рубцовой и Т.А. Посакаловой в 2019 году.

2. «Опросник онлайн-самопрезентации» (**The Presentation of Online Self-Scale, POSS**) разработан в 2016 г. К. Фулвудом с соавторами [14]. Методика включает 21 высказывание, которые характеризуют предпо-

чтения респондента в виртуальной самопрезентации. Методика содержит 4 субшкалы: субшкала «Я идеальное» («ideal self») демонстрирует степень идеализации респондентом своего онлайн-образа; субшкала «Множественные Я» показывает, до какой степени респондент реализует стратегию множественных идентичностей (кибер-идентичностей) в виртуальном пространстве; субшкала «Устойчивое Я» показывает, насколько «образы Я» совпадают или расходятся в онлайн- и офлайн-пространствах; субшкала «Предпочтения в самопрезентации в онлайн-пространстве» показывает степень предпочтения виртуальной коммуникации реальному общению. Данные четырех суммарных показателей объединяются в общую шкалу — «Представление себя в Интернете». Оценка всех высказываний методики осуществляется по 5-балльной шкале Лайкерта. Чем больше показатель шкалы в числовом выражении, тем больше респондент склонен к экспериментированию со своей идентичностью в Интернете. В рамках исследования методика применялась в переводе и адаптации О.В. Рубцовой и Т.А. Посакаловой (2019 г.).

3. «Шкала интенсивности использования социальных сетей» (**Facebook Intensity Scale, FIS, 2007**) [13], разработанная Н. Эллисон, позволяет измерять качественные показатели использования социальной сети — частоту обращений к сети, длительность нахождения в ней, а также эмоциональную привязанность⁴ к деятельности в социальной сети. Таким образом, шкала определяет общий показатель интеграции социальной сети в повседневную жизнь респондента. Шкала состоит из 8 утверждений, 6 из которых предполагают оценку по шкале Лайкерта. Два вопроса являются открытыми. Методика была переведена и адаптирована О.В. Рубцовой и Т.А. Посакаловой, при этом название «Facebook» было заменено на словосочетание «социальная сеть»⁵.

³ Также возможен перевод: «ясность «Я-концепции»» или «сформированность «Я-концепции»».

⁴ «Emotional connectedness».

⁵ В рекомендациях к методике утверждается, что разработанная шкала является универсальной и может быть применена к любой социальной сети.

4. **Шкала Интернет-зависимости (Chen Internet Addiction Scale, CIAS)** была разработана С.Х. Чен с соавторами в 2007 году. Опросник включает в себя 5 оценочных шкал: «Шкала компульсивных симптомов», «Шкала симптомов отмены», «Шкала толерантности», «Шкала внутриличностных проблем и проблем, связанных со здоровьем», «Шкала управления временем». Для российской выборки методика была адаптирована в 2011 г. группой ученых под руководством В.Л. Малыгина [2].

5. **Опросник онлайн-активности (О.В. Рубцова, Т.А. Посакалова, 2019)** направлен на выявление особенностей взаимодействия подростков в виртуальном пространстве. Методика содержит 5 субшкал, подробно характеризующих различные аспекты виртуальной подростковой активности:

- Шкала «Как ты используешь Интернет?» дает общее представление об использовании подростком Интернета, о предпочитаемых виртуальных сервисах и платформах, а также о наиболее привлекательных для респондента видах активности в виртуальном пространстве.

- Шкала «Кто я в Интернете?» отражает особенности виртуального образа («киберидентичности»), создаваемого респондентом в Интернете.

- Шкала «Кем я представляюсь в социальных сетях?» направлена на выявление основных стратегий самопрезентации в социальных сетях.

- Шкала «Как я общаюсь в Интернете?» позволяет выявить характерные для респондента особенности и предпочтения в онлайн коммуникации.

- Шкала «Чем я рискую в Интернете?» позволяет выявлять тенденции, связанные с рискованным поведением в виртуальной среде.

Для обработки эмпирического материала использовались методы описательной статистики, поскольку малый объем выборки не позволил применить весь спектр статистических критериев для количественного анализа эмпирических данных.

Результаты исследования

Связь уровня сформированности «образа Я» со стратегиями самопрезентации и взаимодействия подростков в социальных сетях

Согласно данным, полученным по «Шкале ясности «образа Я»», чуть больше половины опрошенных подростков имеют высокий уровень сформированности «образа Я» (рис. 2). При этом в целом по показателям описательной статистики мальчики обладают более ясным «образом Я» по сравнению с девочками (средний балл по тесту у мальчиков равен 27,8, в то время как у девочек он составил 31,8). Результаты опросника Дж. Кэмпбэлл позволили разбить выборку на четыре подгруппы: подростки с крайне высокой ясностью «образа Я» (11 человек — 21% от всей выборки), подростки с высокой ясностью «образа Я» (18 человек — 35% от всей выборки), подростки со средней ясностью «образа Я» (15 человек — 29% от всей выборки) и подростки с низкой ясностью «образа Я» (8 человек — 15% от всей выборки). Настоящее распределение стало исходным условием анализа эмпирических данных. На рис. 2 сопоставлены процентные соотношения для трех разных выборок: всей выборки в целом (N=52), мужской подвыборки (N=20) и женской подвыборки (N=32).

Дальнейший анализ полученных данных показал, что респонденты с низким уровнем сформированности «образа Я» в большей степени склонны к манипуляциям со своей кибер-идентичностью, причем при выборе стратегии самопрезентации такие подростки как намеренно преувеличивают, так и преуменьшают собственные достоинства. Осознанно избегают преувеличения своих достоинств в социальных сетях 63% подростков с низкой ясностью «образа Я» и 73% подростков со средней ясностью «образа Я». У подростков с высокой и крайне высокой ясностью «образа Я» данный показатель составляет 89%. При этом подростки с низкой ясностью «образа Я» преувеличивают свои достоинства для привлечения внимания (25% опрошенных данной подгруппы), а также для того, чтобы вызвать отклик и симпатию (12% опрошенных данной

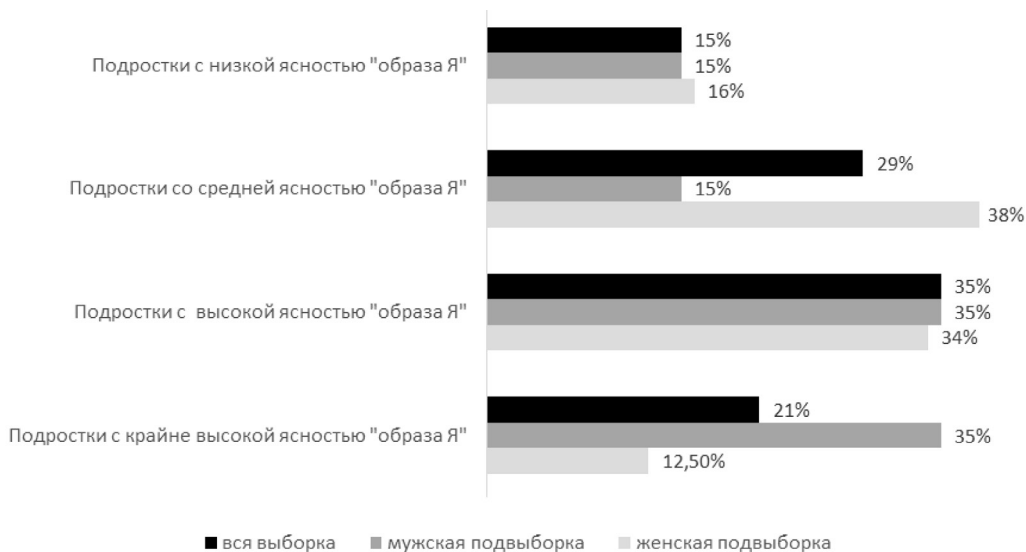

Рис. 2. Распределение подростков по уровням сформированности «образа Я» для всей выборки, мужской и женской подвыборки

подгруппы). Преуменьшают свои достоинства подростки преимущественно для того, чтобы избежать нежелательного внимания (около 13% внутри каждой подгруппы).

Примечательно, что, создавая свой виртуальный образ, подростки с высоким и крайне высоким уровнем ясности «образа Я» стремятся к тому, чтобы он максимально отражал их реальную идентичность (72,7% и 61,1% соответственно). В подгруппах респондентов со средней и низкой ясностью «образа Я» число подростков, стремящихся к соответствию между виртуальным и реальным образом, меньше, составляя 40% и 50% соответственно (рис. 3). На рис. 3 сопоставлены процентные доли подростков с разным уровнем ясности «образа Я», положительно ответивших на ряд утверждений опросника О.В. Рубцовой, Т.А. Посакаловой.

В целом полученные данные свидетельствуют о том, что высокий уровень сформированности «образа Я» удерживает подростков от разного рода искажений собственного образа в виртуальном пространстве.

Важно отметить, что цели общения подростков в социальных сетях значительно отличаются в зависимости от степени сформиро-

ванности «образа Я» (рис. 4). Так, 12,5% подростков из подвыборки с низкой ясностью «образа Я» общаются онлайн для того, чтобы «не чувствовать себя одинокими»; 12,5% этой же категории подростков выходят в сеть для «возможного флирта или романтических отношений». При этом данная группа подростков почти не использует сети в целях получения практической информации. Напротив, подростки с высокой и крайне высокой степенью сформированности «образа Я» чаще рассматривают сети в качестве источника практической информации (18% и 17% соответственно). При этом почти 45% подростков с крайне высокой ясностью «образа Я» стремятся с помощью социальных сетей «держать все под контролем, быть в курсе событий». У подростков со средней и низкой степенью ясности «образа Я» этот показатель составил 7% и 12,5% соответственно. Кроме того, подростки с крайне высокой ясностью «образа Я» в 2 раза реже общаются в Интернете в целях развлечения и отдыха, по сравнению со сверстниками с низкой ясностью «образа Я» (18% и 38% от обеих подвыборок соответственно).. Также стоит отметить, что подростки с крайне высокой ясностью «обра-

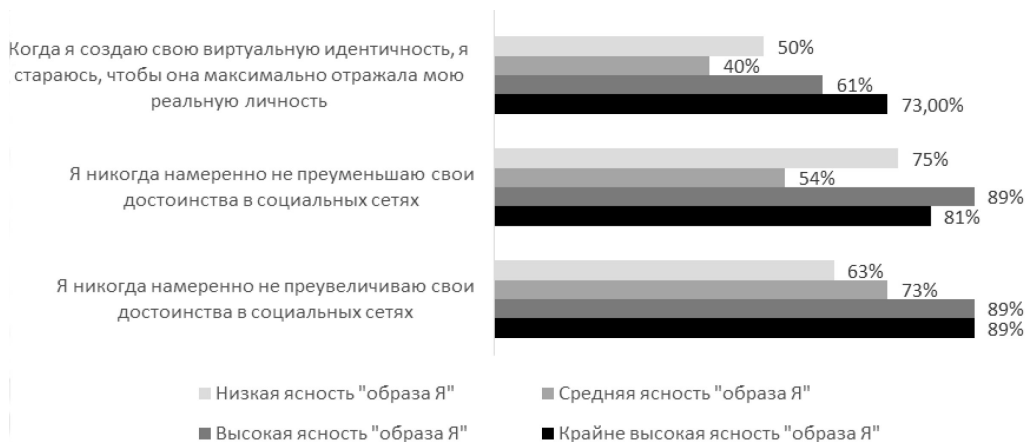

Рис. 3. Особенности конструирования виртуальной идентичности в социальных сетях подростками с разным уровнем сформированности «образа Я»

за Я» в меньшей степени стремятся набрать «лайки» и тем самым получить одобрение в социальных сетях. Так, 55% подростков с крайне высокой ясностью «образа Я» не испытывают желания набрать как можно больше лайков, в

то время как в других трех подвыборках данный показатель варьируется от 38% до 40%. На рис. 4 представлены процентные соотношения для подвыборки подростков с разным уровнем ясности «образа Я».

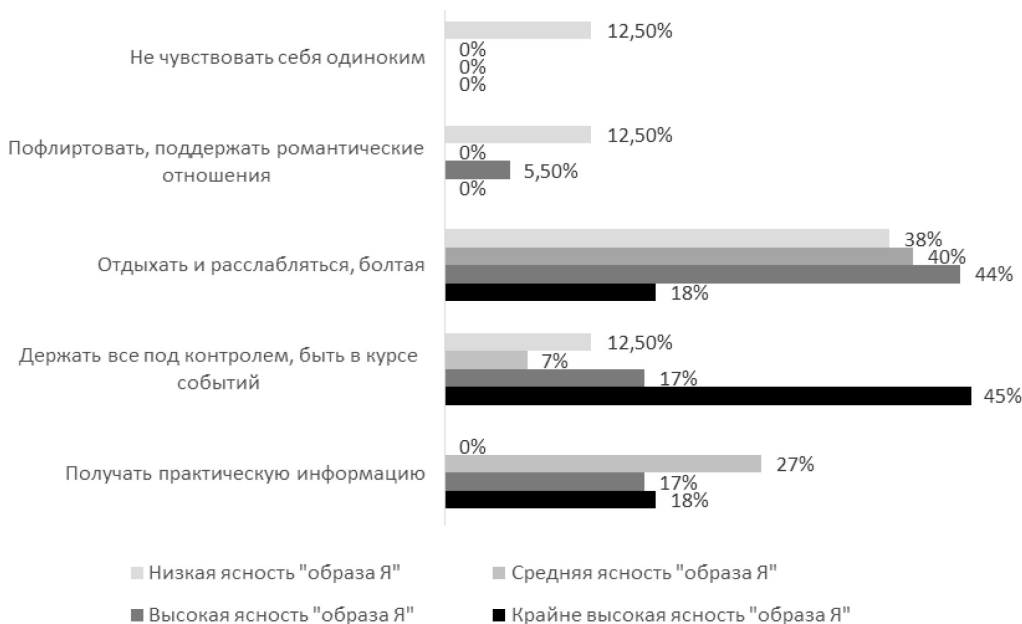

Рис. 4. Цели общения подростков с разным уровнем сформированности «образа Я» в социальных сетях

Иными словами, *высокий уровень сформированности «образа Я» у подростков способствует инструментальному использованию сети Интернет для достижения конкретных практических целей (например, для информационного поиска), в то время как несформированность «образа Я» в большей степени способствует тенденции использовать Интернет в качестве площадки для общения, в т.ч. романтического.*

Анализ результатов, полученных по методике К. Фулвуда, также подтверждает наличие связи между уровнем сформированности «образа Я» и стратегиями самопрезентации подростков в социальных сетях⁶ (см. табл. 1). Так, стабильное снижение общего показателя теста и показателя субшкалы «Идеальное Я» при повышении показателя ясности «образа Я» свидетельствует о том, что *по мере развития и оформления «образа Я» подростки теряют интерес к экспериментам с кибер-идентичностями и конструируют в виртуаль-*

ной среде образ, максимально приближенный к реальному. Причем, согласно данным субшкалы «Предпочтение самопрезентации в онлайн-пространстве», подростки с высокой и крайне высокой ясностью «образа Я» отдают предпочтение живому, а не опосредованному общению. Данное обстоятельство также подтверждается результатами, полученными по методике Н. Эллисон. Так, *по мере развития «образа Я» у подростков одновременно снижаются и интенсивность использования социальных сетей (показатели падают с 3,14 до 1,8), и эмоциональная привязанность к ним (показатели колеблются от 3,14 до 1,8).*

Таким образом, полученные данные подтверждают гипотезу о том, что подростки используют социальные сети как платформы для экспериментирования (в т.ч. ролевого), в процессе которого они решают важные возрастные задачи, связанные с развитием самосознания и формированием «образа Я».

Таблица 1

Результаты опроса по методике К. Фулвуда во взаимосвязи с уровнем сформированности «образа Я»

Показатель	Группа подростков с низкой ясностью «образа Я»	Группа подростков со средней ясностью «образа Я»	Группа подростков с высокой ясностью «образа Я»	Группа подростков с крайне высокой ясностью «образа Я»
POSS, общий показатель шкалы POSS	51,00	50,06	47,00	44,45
Субшкала «Я-идеальное» — степень идеализации респондентом своего онлайн-образа	22,29	19,80	17,39	16,27
Субшкала «Множественное Я» — степень реализации респондентом множественных кибер-идентичностей в виртуальном пространстве	7,43	10,00	8,72	7,54
Субшкала «Устойчивое Я» — степень соответствия «образов Я» в онлайн- и офлайн-пространствах	13,71	12,00	15,00	15,45
Субшкала «Предпочтение самопрезентации в онлайн-пространстве» — степень предпочтения виртуальной коммуникации реальному общению	7,57	8,26	5,88	5,18

⁶ Необходимо отметить неоднозначность данных, полученных по субшкале «Множественное Я» опросника К. Фулвуда. Полученные данные нуждаются в дальнейшем теоретическом и экспериментальном осмыслении.

**Связь уровня сформированности
«образа Я» со склонностью подростков
к Интернет-зависимости
и рискованному поведению
в виртуальной среде**

Проведенное исследование показало, что девочки-подростки являются более активными пользователями социальных сетей по сравнению с мальчиками (общий показатель онлайн-активности по методике Н. Эллисон у девочек составил 19,59, а у мальчиков — 18,30 из возможных 30). Как и в аналогичных зарубежных исследованиях [15], данные, полученные на российской выборке, показывают, что девочки-подростки чаще заходят в социальные сети и ежедневно проводят там почти в 2 раза больше времени, чем мальчики (девочки — 9,47 часа, мальчики — 4,20 часа). Также девочки более склонны ощущать потерю связи с окружающим миром, если длительное время не имеют возможности заходить в социальную сеть (по методике Н. Эллисон показатель у девочек — 2,13, у мальчиков — 1,95). Девочки-подростки обладают также большей склонностью к формированию эмоциональной зависимости от социальных сетей и более болезненно переживают отсутствие доступа к ним (показатель у девочек — 3,06, у мальчиков — 2,65). При этом, согласно полученным данным, и у девочек, и у мальчиков склонность к Интернет-зависимому и рискованному поведению связана с уровнем сформированности «образа Я».

Рискованное поведение в Сети определяется характером, целями, а также структурой контактов в онлайн-коммуникации [3; 12]. Эмпирические данные, полученные в ходе исследования, свидетельствуют о том, что *чем более размытым «образом Я» обладают подростки, тем чаще они демонстрируют рискованное поведение в социальной сети*. Так, например, подростки с низким уровнем ясности «образа Я» чаще используют социальные сети как площадки для мести, злых шуток и розыгрышей (12,5% подгруппы). Подростки с низким и средним уровнем ясности «образа Я» значительно чаще других используют бранные слова и нецензурную лексику в

комментариях (38% и 20% подростков из соответствующих подгрупп), в то время как ни один подросток с крайне высокой ясностью «образа Я» так себя не проявляет. Более того, 82% подростков с крайне высокой ясностью «образа Я» никогда не беседуют онлайн на темы, которые бы вызвали у них смущение в реальной жизни. По мере снижения ясности «образа Я» данный показатель повышается. На рис. 5 приводятся процентные соотношения для подвыборок подростков с разным уровнем ясности «образа Я».

Значимыми показателями, связанными с рискованным поведением в Сети, являются непроверенные контакты и общение с незнакомцами. Согласно данным, полученным на нашей выборке, 100% подростков с крайне высокой ясностью «образа Я» добавляют в друзья исключительно тех людей, с которыми общаются в реальной жизни. У 12,5% подростков с низкой ясностью «образа Я» большинство онлайн-друзей составляют люди, с которыми они никогда не встречались вживую (см. рис. 5).

Важным результатом исследования стало выявление связи между уровнем сформированности «образа Я» и показателями Интернет-зависимости. Ни у одного подростка с крайне высокой ясностью «образа Я» (по методике Дж. Кэмпбелл) не было выявлено признаков интернет-зависимости (средний показатель у данной подгруппы по методике С.Х. Чена составляет 40,6). У остальных трех подгрупп выявлена потенциальная склонность к интернет-зависимому поведению (у подгрупп с низкой, средней и высокой ясностью «образа Я» данный показатель составляет 54, 57,5 и 49,3 соответственно). Как показано на рис. 6, по мере повышения уровня ясности «образа Я» у подростков наблюдается устойчивое сокращение проблем, связанных с управлением временем, проводимым в Интернете.

Таким образом, данные, полученные на нашей выборке, свидетельствуют о том, что, чем более высокой ясностью «образа Я» обладает подросток, тем меньше риск, что у него будет сформирована зависимость от Интернета.

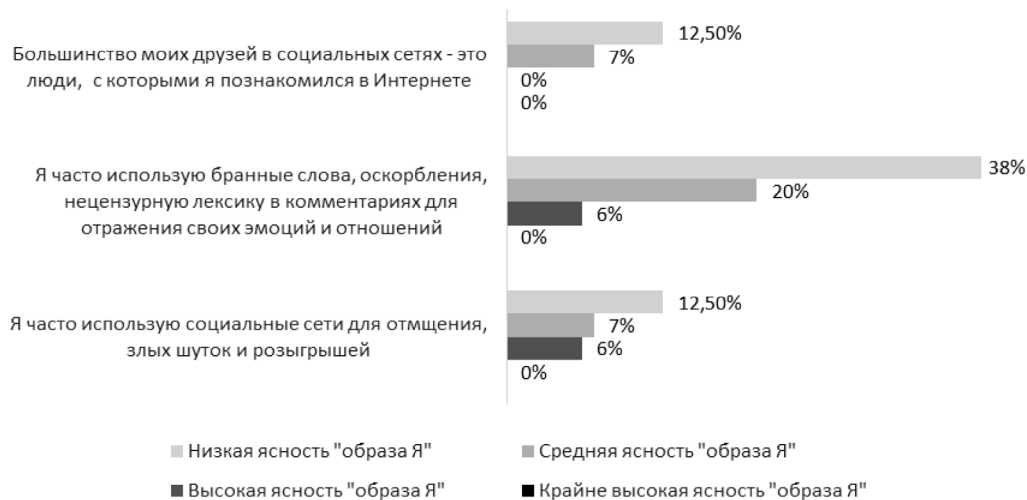

Рис. 5. Признаки Интернет-рискованного поведения, характерные для подростков с разным уровнем сформированности «образа Я»

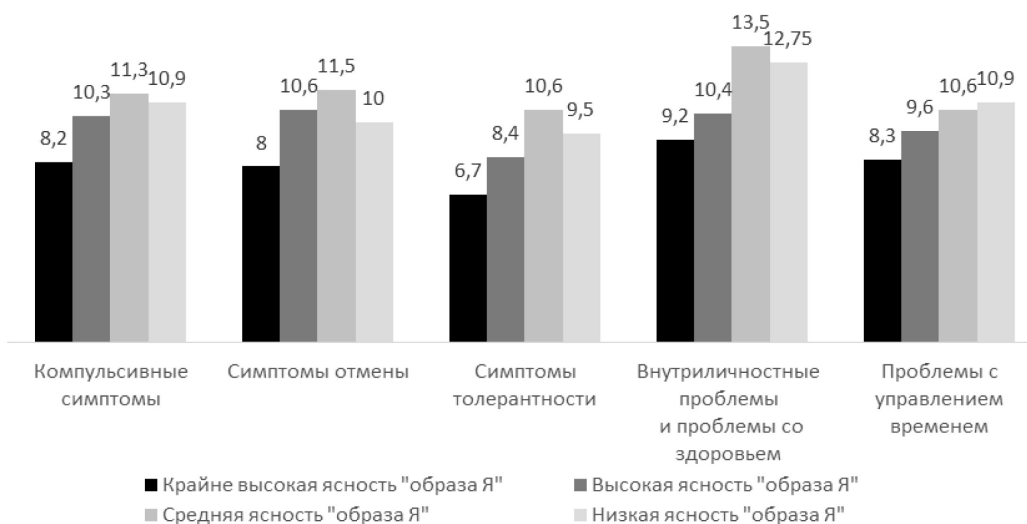

Рис. 6. Сравнение выраженности симптомов Интернет-зависимости по опроснику Чена в группах подростков с разным уровнем ясности «образа Я»

Заключение

В результате проведенного пилотного исследования было показано, что стратегии взаимодействия и самопрезентации подростков в социальных сетях, а также их

склонность к Интернет-зависимому и рискованному онлайн-поведению тесно связаны с уровнем сформированности «образа Я». Подростки с размытым «образом Я» часто экспериментируют в социальных сетях: они

искажают представляемую о себе информацию и создают разные кибер-идентичности. По мере развития и оформления «образа Я» подростки теряют интерес к онлайн-экспериментированию и «конструируют» в виртуальной среде образ, максимально приближенный к реальному.

Многие подростки с размытым «образом Я» также демонстрируют рискованное поведение в социальных сетях: они часто общаются с незнакомыми людьми, проявляют агрессию, используют бранные слова. Кроме того, у данной категории подростков проявляется склонность к Интернет-зависимому

поведению и эмоциональной привязанности к социальным сетям.

Таким образом, полученные в работе данные подтверждают гипотезу о том, что современные подростки используют социальные сети как платформы для экспериментирования (в т.ч. ролевого), в процессе которого они решают важные возрастные задачи, связанные с развитием самосознания и формированием «образа Я».

Перспективы дальнейшей работы связаны со стандартизацией использованных методик на российской выборке, а также с проверкой полученных результатов на более объемной выборке респондентов.

Литература

1. Выявление личностных особенностей подростков на основе статистического анализа поведения в виртуальном игровом пространстве / Дудников Г.Д. [и др.] // В книге: Нейрокомпьютеры и их применение. Тезисы докладов под редакцией Галушкина А.И. [и др.]. 2016. С. 70—71.
2. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики: Учебное пособие / под ред. В.Л. Малыгина. М., МГМСУ, 2011. 32 с.
3. *Медведева А.С., Дозорцева Е.Г.* Характеристики онлайн груминга как вида сексуальной эксплуатации несовершеннолетних (по результатам анализа переписок взрослых и детей в сети Интернет) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 161—173. DOI:10.17759/psylaw.2019090412
4. *Поливанова К.Н.* Кризисы психического развития: соотношение взрослого и детского действия. Педагогика и психология возрастных кризисов // Сборник науч. ст. по материалам 7-й науч.-практ. конф. Красноярск: КГУ, 2000. 227 с.
5. *Прихожан А.М.* К проблеме подростковой игры // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2015. № 4. С. 37—46.
6. *Рубцова О.В.* Ролевое экспериментирование в контексте ведущей деятельности подросткового возраста // Вопросы психологии. 2017. № 5. С. 42—51.
7. *Рубцова О.В.* Современное подростничество в фокусе культурно-исторической психологии: к проблеме ролевого экспериментирования // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 2. С. 69—77. DOI:10.17759/chp.2020160209
8. *Рубцова О.В., Посакалова Т.А.* Штрихи к «цифровому» портрету современного подростка // Сборник материалов (тезисов) VII Всероссийской научно-практической конференции по психологии развития (чтения памяти Л.Ф. Обухова)

- «Возможности и риски цифровой среды». 2019. Том 1. С. 180—184.
9. Статистический анализ поведения подростков в сложном виртуальном игровом пространстве / Дудников Г.Д. [и др.] // В книге: Нейрокомпьютеры и их применение. Тезисы докладов. 2017. С. 116-А.
10. *Хороших В.В.* Психологические особенности личности в структуре виртуальной самопрезентации подростков // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. Выпуск 2 (Труды XXI Международной объединенной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2018, Санкт-Петербург, 30 мая—2 июня 2018 г. Сборник научных статей). СПб: Университет ИТМО, 2018. 336 с.
11. *Цукерман Г.А.* Психология саморазвития: задача для подростков и их педагогов. М.; Рига, 1995.
12. Deviant online behavior in adolescent and youth circles: in search of a risk assessment model / Dvoryanchikov V. [et al] // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE). 2020. Vol. 8. № 2. P. 105—119. DOI:10.5937/IJCRSEE2002105D
13. *Ellison B.N., Steinfield C., Lampe C.* The Benefits of Facebook "Friends:" Social Capital and College Students' Use of Online Social Network Sites // Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. Vol. 12. № 4. P. 1143—1168. DOI:10.1111/j.1083-6101.2007.00367.x
14. *Fullwood C., James B.M., Chen-Wilson C.J.* Self-concept clarity and online self-presentation in adolescents // Cyberpsychology, Behavior and Social Networking. 2016. Vol. 19. № 12. P. 716—720.
15. *O'Hagan L.* Who's who? What's not to like? Facebook and its relationship with personality, self-esteem, stress and anxiety, Bachelor of Arts degree dissertation, DBS, School of Arts, Dublin. 2013.

16. Quinones C., Kakabadse N.K. Self-concept clarity and compulsive Internet use: The role of preference for virtual interactions and employment status in British and North-American samples // *Journal of Behavioral Addictions*. 2015. Vol. 4. № 4. P. 289—298. DOI:10.1556/2006.4.2015.038
17. Relationship between self-identity confusion and internet addiction among college students: the mediating effects of psychological inflexibility and experiential avoidance / Hsieh K.Y. [et al] // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2019. Vol. 16. № 17. DOI:10.3390/ijerph16173225
18. Self-concept clarity across adolescence: longitudinal associations with open communication with parents and internalizing symptoms / Van Dijk M.P. [et al] // *Journal of Youth and Adolescence*. 2014. Vol. 43. № 11. DOI:10.1007/s10964-013-0055-x
19. Self-concept clarity: measurement, personality correlates, and cultural boundaries / Campbell J.D. [et al] // *Journal of personality and social psychology*. 1996. Vol. 70. № 1. P. 141—156.
20. The longitudinal role of self-concept clarity and best friend delinquency in adolescent delinquent behavior / Levey E.K.V. [et al] // *Journal of Youth and Adolescence*. 2019. Vol. 48. № 6. P. 1068—1081. DOI:10.1007/s10964-019-00997-1

References

1. Dudnikov G.D., et al. Vyjavlenie lichnostnyh osobennostej podrostkov na osnove statisticheskogo analiza povedeniya v virtual'nom igrovom prostranstve [Identification of adolescents' personal traits on the basis of statistical analysis of behavior in the virtual play space]. In Galushkin A.I. (eds.), *Nejrokomp'yutery i ih primenenie*. Conference abstracts [*Neurocomputers and their applications*], 2016, pp. 70—71. (In Russ.).
2. Malygin V.L. (eds.), *Internet-zavisimoe povedenie. Kriterii i metody diagnostiki: Uchebnoe posobie* [Internet addicted behavior. Diagnostic criteria and methods: Textbook]. Moscow: MGMSU, 2011. 32 p. (In Russ.).
3. Medvedeva A.S., Dozorceva E.G. Harakteristiki onlajn gruminga kak vida seksual'noj jekspluatatsii nesovershennoletnih (po rezul'tatam analiza perepisok vzroslyh i detej v seti Internet) [Elektronnyi resurs] [Features of online grooming as a form of sexual exploitation of minors (based on the analysis of communication between adults and children in the Internet) [Digital resource]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 4, pp. 161—173. DOI:10.17759/psylaw.2019090412 (In Russ.).
4. Polivanova K.N. Krizisy psihicheskogo razvitiya: sootnoshenie vzroslogo i detskogo dejstviya. Pedagogika i psihologiya vozrastnyh krizisov [Crises of mental development: the ratio of adult and child action. Pedagogy and psychology of age crises]. *Sbornik nauch. st. po materialam Sedmoi nauchn.-prakt. konf* [Collection of scientific articles based on the materials of the Senenth scientific-practical. conf.]. Krasnoyarsk: KSU, 2000. 227 p. (In Russ.).
5. Prihozhan A.M. K probleme podrostkovoj igry [To the problem of teenage play]. *Vestnik RGGU. Seriya «Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie» = Bulletin RSUH. Series "Psychology. Pedagogy. Education"*, 2015, no. 4, pp. 37—46. (In Russ.).
6. Rubtsova O.V. Rolevoe jeksperimentirovanie v kontekste vedushhej dejatel'nosti podrostkovogo vozrasta [Role experimentation as a part of contemporary teenage culture] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaia zarubezhnaia psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2016. Vol. 5, no. 2, pp. 24—30. DOI:10.17759/jmfp.2016050203 (In Russ.).
7. Rubtsova O.V. Sovremennoe podrostnichestvo v fokuse kul'turno-istoricheskoy psihologii: k probleme rolevogo jeksperimentirovaniya [Contemporary adolescence through the prism of the cultural-historical theory: on the issue of experimenting with roles]. *Kul'turno-istoricheskaja psihologiya = Cultural-historical psychology*, 2020. Vol. 16, no. 2, pp. 69—77. DOI:10.17759/chp.2020160209 (In Russ.).
8. Rubtsova O.V., Posakalova T.A. Shtrih k «cifrovomu» portretu sovremennogo podrostka [Strokes to a "digital" portrait of a contemporary teenager]. *Sedmaya Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferenciya po psihologii razvitiya (chteniya pamjati L.F. Obuhovoj) «Vozmozhnosti i riski cifrovoy sredy»* [Seventh All-Russian scientific-practical conference on developmental psychology (readings in memory of L.F. Obukhova) "Opportunities and risks of the digital environment"], 2019. Vol. 1, pp. 180—184. (In Russ.).
9. Dudnikov G.D., et al. Statisticheskij analiz povedeniya podrostkov v slozhnom virtual'nom igrovom prostranstve [Statistical analysis of the adolescents' behavior in a complex virtual game space]. *Nejrokomp'yutery i ih primenenie* [*Neurocomputers and their applications*]. Conference abstracts, 2017, pp. 116-A. (In Russ.).
10. Horosih V.V. Psihologicheskie osobennosti lichnosti v strukture virtual'noj samoprezentatsii podrostkov [Psychological characteristics of personality in the structure of virtual self-presentation of adolescents]. *Informacionnoe obshhestvo: obrazovanie, nauka, kul'tura i tehnologii budushhego*. Vypusk 2 (Trudy Dvadctat vtoroiMezhdunarodnoj ob#edinennoj konferencii «Internet i sovremennoe obshhestvo, IMS-2018, Sankt-Peterburg, 30 maja-2 ijunja 2018 g. Sbornik nauchnyh statej) [*Information society: education, science, culture and technologies of the future*. Issue 2 (Proceedings of the Twenty second International Joint Conference "Internet and Modern Society, IMS-2018, St. Petersburg, May 30-June 2, 2018, Collection of scientific articles)]. Saint-Petersburg: Universitet ITMO, 2018. 336 p. (In Russ.).

11. Zuckerman G.A. Psihologija samorazvitija: zadacha dlja podrostkov i ih pedagogov [Self-development psychology: a task for adolescents and their teachers]. Moscow; Riga, 1995.
12. Dvoryanchikov V., et al. Deviant online behavior in adolescent and youth circles: in search of a risk assessment model. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE)*, 2020. Vol. 8, no. 2, pp. 105—119. DOI:10.5937/IJCRSEE2002105D
13. Ellison B.N., Steinfield C., Lampe C. The Benefits of Facebook "Friends:" Social Capital and College Students' Use of Online Social Network Sites. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2007. Vol. 12, no. 4, pp. 1143—1168. DOI:10.1111/j.1083-6101.2007.00367.x
14. Fullwood C., James B.M., Chen-Wilson C.J. Self-concept clarity and online self-presentation in adolescents. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, 2016. Vol. 19, no. 12, pp. 716—720.
15. O'Hagan L. Who's who? What's not to like? Facebook and its relationship with personality, self-esteem, stress and anxiety, Bachelor of Arts degree dissertation thesis, DBS, School of Arts, Dublin, 2013.
16. Quinones C., Kakabadse N.K. Self-concept clarity and compulsive Internet use: The role of preference for virtual interactions and employment status in British and North-American samples. *Journal of Behavioral Addictions*, 2015. Vol. 4, no. 4, pp. 289—298. DOI:10.1556/2006.4.2015.038
17. Hsieh K.Y., et al. Relationship between self-identity confusion and internet addiction among college students: the mediating effects of psychological inflexibility and experiential avoidance. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2019. Vol. 16, no. 17. DOI:10.3390/ijerph16173225
18. Van Dijk M.P., et al. Self-concept clarity across adolescence: longitudinal associations with open communication with parents and internalizing symptoms. *Journal of Youth and Adolescence*, 2014. Vol. 43, no. 11, pp. 1861—1876. DOI:10.1007/s10964-013-0055-x
19. Campbell J.D., et al. Self-concept clarity: measurement, personality correlates, and cultural boundaries. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1996. Vol. 70, no. 1, pp. 141—156.
20. Levey E.K.V., et al. The longitudinal role of self-concept clarity and best friend delinquency in adolescent delinquent behavior. *Journal of Youth and Adolescence*, 2019. Vol. 48, no. 6, pp. 1068—1081. DOI:10.1007/s10964-019-00997-1

Информация об авторах

Рубцова Ольга Витальевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обуховой» факультета «Психология образования», руководитель Центра междисциплинарных исследований современного детства, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3902-1234>, e-mail: ovrubsova@mail.ru

Посакалова Татьяна Анатольевна, научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований современного детства, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4932-0921>, e-mail: poskakalova@gmail.com

Ширяева Екатерина Ивановна, магистр факультета «Психология образования», ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0965-1494>, e-mail: cat150195@ya.ru

Information about the authors

Olga V. Rubtsova, PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Center for Interdisciplinary Research on Contemporary Childhood, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3902-1234>, e-mail: ovrubsova@mail.ru

Tatiana A. Poskakalova, Research Associate, Center for Interdisciplinary Research on Contemporary Childhood, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4932-0921>, e-mail: poskakalova@gmail.com

Ekaterina I. Shiryayeva, MA, Faculty of Educational Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0965-1494>, e-mail: cat150195@ya.ru

Получена 01.08.2021

Received 01.08.2021

Принята в печать 11.08.2021

Accepted 11.08.2021